

Автобиография

Родился 20 октября 1943 года на Украине в тихом городке, а мне хотелось романтики.

На Целину я опоздал и после школы, решив стать монтажником-высотником, поехал на Донбасс учиться. Но жизнь часто решает за нас. Всю нашу группу после окончания училища направляют на машиностроительный завод. Затем Армия. Бригада, которая дала первые уроки работы с металлом, в полном составе и с гармошкой проводила меня на сборный пункт.

Застава встретила снегами, тишиною и величием гор. Закалка, полученная на границе, приходится после.

Киевский политехнический институт и снова работа с металлом на машиностроительном и судостроительном заводах, стройках нефтегазовой отрасли.

Материальная неустроенность и все та же романтика, сняли с насиженных мест и я - в Нерюнгри.

Строил Нерюнгринскую ГРЭС, работал на РМЗ.

Здесь, на этой суровой и холодной земле, всегда хочется тепла. Я писал и на душе становилось теплее, легче переносились трудности.

Дорогой читатель, пусть мои слова немного согреют и тебя.

В. Вдовиченко

С и р е н ь

Этот дом называется поповским. Но батюшка в нем уже давно не жил. Он переехал в новую церковь, наспех возведённую на пустыре возле рынка. Базар собирался раз в неделю. В этот день с

ближних и дальних сел приводили на веревках и привозили на телегах, а зимой на санях, живой товар. Я часто ходил туда. Было интересно смотреть не только животных, но и наблюдать, как идет торговля.

Покупатели рассматривали животных как картину в музее: то подходили близко, то смотрели издали. Потом ощупывали, похлопывали, заглядывали в пасть, считали зубы, мерили пальцами от загривка до хвоста.

У кабана, который от своей тяжести не мог стоять на коротеньких ногах, выдергивали со спины пучок щетины, пытаюсь определить, толщину сала. Затем покупатель и продавец долго торговались, никак не сойдясь в цене. Покупатель уходил и возвращался снова. Наконец они ударяли по рукам и долго считали и пересчитывали деньги. Теперь к запахам навоза, лошадиного пота и махорки примешивался неприятный запах самогона.

К вечеру только навоз и солома, развеивавшаяся ветром по пустырю, напоминали о базарном дне.

Вот здесь, рядом с этим пустырем, было построено небольшое прямоугольное здание с башенкой и крестом, которое стало городской церковью. В этой церкви я был всего один раз, с Васькой в вербное воскресенье. После целования креста нам давали по ложечке чего-то сладенького. Оно понравилось, но на третьем заходе батюшка дал только целовать крест.

А когда-то в городе была большая красивая каменная церковь. После революции её взорвали, и обыватели растащили кирпичи на всякие пристройки к своим домам. На том месте был пустырь, с маленькой молельней посредине. Кажется, она была укором и напоминанием людям о том варварстве, к которому они иногда скатываются в своем безумстве.

Над молельней склонились три липы, как старушки, постепенно усыхающие от времени и тягот жизни. На перекладине, прибитой к липам, висели небольшие колокола. Мы иногда звонили сами. На Пасху – нам разрешали, а в другие дни – когда сторож отлучался. Вокруг молельни кое-где из земли торчали камни с не всегда понятными надписями. Это были остатки надгробных плит, которые лежали когда-то на могилах служителей церкви.

К пустырю примыкало старое кладбище, там давно уже не хоронили. Крестов и оградок тоже не было. Но среди деревьев и

густых зарослей ещё были заметны могильные холмики, и когда мы играли в партизан, я боялся наступать на них.

Потом, позже, холмики сравняют, и на месте кладбища проложат аллеи и дорожки, построят там всякие увеселительные заведения и аттракционы. Вдоль аллеек поставят скульптуры оленей, лосей и других диких животных, которые даже не водятся в окрестных местах, и там же, рядом на витражах – портреты достойных людей города. Останутся нетронутыми только две братские могилы, где зажгут вечный огонь. Всё это обнесут высоким шлакобетонным забором и на воротах повесят вывеску “Парк культуры и отдыха”. Теперь вход станет платным...

А откуда у нас деньги? Если и случалось иногда заработать на сдаче металлолома, костей и прочего вторсырья, то этих денег едва ли хватало на дешёвые сигареты, пончики и кино. А очень хотелось попасть в парк. Там по вечерам с мая и до осенних холодов собиралась молодёжь всего города. Танцы под духовой оркестр, киножурналы и фильмы в летнем кинотеатре и ещё много других интересных развлечений.

И все же мы почти каждый вечер ходили туда, но не с парадного входа, а с противоположной стороны, через забор. Нас таких набиралось немного. Младшие по вечерам в парк не ходили, а старшие шли с девушками и покупали им билеты. И всё равно, то ли из-за соблюдения порядка, то ли нежелания терять, пусть маленькие, кассовые доходы, с нами, безбилетниками, велась активная “воспитательная работа”.

Её результаты первым ощутил Толик. Как обычно он подпрыгнул, вцепился за верх забора, но вдруг вскрикнул и свалился на землю. Из зажатого кулака левой руки капала кровь. Оказалось, поверх стены забора налили битум и воткнули в него острые осколки стекла.

Но желание попасть в парк сильнее этого препятствия. Перевязываем руку платком, булыжником сбиваем стёкла и преодолеваем забор... А через время нас ждёт новый сюрприз – на этот раз пострадали все. Прислушавшись, нет ли засады, осторожно перелезаем через забор и, пробравшись сквозь кусты, выходим на освещённую фонарём дорожку. “О, что это?!” – наши белые, наглаженные рубашки в чёрных масляных пятнах – работники парка придумали облить кусты, которые растут вдоль забора, мазутом.

Потом были другие хитрые ловушки, о которые мы рвали свои единственные “парадные” штаны и рубашки и даже калечились, но культуру посещения парка нам так и не привили. А годы спустя вход в парк стал свободным, но изменились нравы, интерес к парку пропал, и он пришёл в запустение.

Это будет позже. Тогда же, с другой стороны пустыря, пустыми глазницами смотрела бывшая гимназия – до войны самое красивое здание в городе. Её взорвали немцы вместе со своими тяжелоранеными солдатами, в спешке уходя из города. После войны эти развалины ещё долго будут любимым местом для беспризорников, урок и ворон. Вороны любили селиться и на казармах, построенных гренадёрами Суворова, они стояли тут же, за гимназией. Воронье карканье постоянно висело в воздухе.

Может, поэтому обыватели не очень стремились сюда в церквушку, которая, как сирота, одиноко стояла на этом заросшем бурьяном пустыре. Многие прихожане ходили помолиться в большой храм в ближайшее село.

Только на Пасху, на всенощной, здесь собиралось много народу. Всенощная для нас, разновозрастной шпаны, была настоящим праздником. Мы разжигали большой костёр из разобранных заборов и калиток, на что уходило много сил и энергии, особенно когда приходилось уносить ноги от разозлённых хозяев.

От такой активности и постоянного недоедания наши желудки были крепкими и всегда пустыми – а здесь столько соблазнов. Мы сновали между рядами прихожан, в руках которых были корзины с яйцами, куличами, колбасой и другими пасхальными приношениями, приготовленными для освящения. Чесночный запах домашней колбасы и ванильных куличей до того щекотал наши ноздри, что мы дурели и теряли всякий стыд. Стоило кому-нибудь из прихожан вздремнуть, как содержимое кошёлки становилось нашей добычей, и бедная старушонка, в душе кляня нас всеми чертями ада, спешила домой, чтобы пополнить опустевшую корзину.

До конца службы мы не дотягивали, нас рассеивала милиция. Мы боялись быть задержанными – тогда в школе неприятностей не избежать и от родителей тоже. На всенощной я был всего один раз.

Как раз в этом учебном году у нас в школе и появился новый ученик Дима. Он был какой-то странный, совсем не похож на нас. И странным было то, что они поселились в поповском доме.

Этот дом отличался какой-то архаичностью: одноэтажный, приземистый, с непропорционально большой ржавой крышей. Ставни с улицы были всегда закрыты, а крылечко нерабочего парадного входа держалось на одной колонне – словно старик с клюкой присел в густой тени лип отдохнуть и, слегка нахлобучив на глаза выцветшую потёртую шляпу, уснул.

Дом, похоже, был ровесником той церкви, которую взорвали на площади. Наверное, и здесь когда-то раздавался детский смех большой поповской семьи. Но до приезда Димы на этом дворе я никогда не видел детей. Большой двор покрывал зелёный ковёр спорыша и калачиков. На нём, как нарисованные белели тропинки: одна вела к калитке, другая к сараю. Сарай – ровесник дома, только ещё больше покосился – стоял в противоположном углу двора. Во всём здесь чувствовалось что-то неживое, давно отжившее.

Тут не было привычных нагромождений сарайчиков и будок. Не было огородов, грядок, фруктовых деревьев, клумб и цветов, как у любого другого дома. Разве за исключением квартала на короткой центральной улице, где вплотную друг к другу лепились всякие мастерские, конторки, парикмахерские и лавочки вперемешку с коммуналками, в которых жили сапожники, портные, жестянщики, парикмахеры и продавцы. Там даже запахи были свои, особенные...

Лишь однажды весной, когда зацветала сирень, поповский дом преображался - теперь он выглядел как старый больной муж возле цветущей красавицы жены.

В городе сирень росла возле каждого дома. Может, её любили за красоту, за аромат или неприхотливость – воткни корешок весной, а через время там будет куст. Но таких зарослей, как у поповского дома не было нигде. Она разрослась между домом и сараем, спустилась в небольшой овражек, перелезла через забор на улицу и заполонила бы весь двор, но тропинка, ведущая к сараю, не пустила её дальше. Сирень вплотную прижалась к стене дома и, казалось, заглядывала в окна через щели в ставнях, словно пыталась выведать его секреты.

Когдаходишь к дому, нельзя было не остановиться здесь, чтобы не полюбоваться бушующим морем сирени, чтобы не насладиться её ароматом, перебивающим даже запах стоков на дне

овражка. Если немного постоять, то можно было увидеть, как лица у вечно грустных обывателей, прогуливающихся по улице, становились светлее.

Сирень тут никогда не ломали и не расчищали, возможно, с того далёкого времени, как батюшка посадил первый росток. И мы, при нашем неуёмном любопытстве, туда тоже не лазили. Только собаки протоптали в густых зарослях узкие тропинки...

От поповского дома до школы было недалеко, но Диму всегда приводила в класс бабушка и после уроков она же забирала его домой. Это было очень странным, потому что нас за руку приводили в школу один раз – первого сентября. В другой руке мы несли чернильницу в мешочке на веревочке и букет из астр. Потом мы иногда приводили в школу своих пап, у кого они остались после войны, или мам после того, как учительница, выставив за дверь, бросала вдогонку: “Без родителей в школу не приходи!”.

Дима был болезненным мальчиком. У него даже в классе шея была замотана шарфом. На малых переменах он не играл с нами в снежки, а в большую перемену к нему приходила бабушка, она отводила его в угол коридора и кормила яблоками, даже зимой, и бутербродами. Дима жевал бутерброд так медленно, что невозможно было смотреть.

До этого я только один раз пробовал такой бутерброд у нашей учительницы. Мне как-то Васька похвастался, что она пригласила его домой на дополнительные занятия, он отставал по языку. Пока он учит правила, она готовит кушать, а потом угощает его булочкой, не с маргарином или комбижиром, а настоящим сливочным маслом. Такое масло: желтое – завернутое в свежий зеленый капустный лист, – источало особенный запах. Его продавали на колхозном рынке в базарные дни. К булочке учительница даёт чай, тоже настоящий, мы обычно заваривали веточками малины, а варенье можно брать ложечкой с вазочки.

Я представил себе белую-белую булочку со сливочным маслом и ароматным земляничным вареньем. Захотелось быть на месте Васьки, даже досадно стало, что по языку у меня всё в порядке. И тогда со следующего дня в моих тетрадках появилось много ошибок, и даже двойки. Вера Ивановна очень удивилась и огорчилась, зато я попал к ней на дополнительные занятия. Но это было лишь один раз, потому что потом с нами уже пошёл Толик, и то ли учительница догадалась сама, то ли кто-то проболтался, но она больше не

угощала нас бутербродами. Дополнительные занятия стали неинтересны, и я перестал на них ходить. Двойки же сами по себе исчезли.

А Дима почему-то отставал по арифметике, хотя сидел дома, старался, и бабушка постоянно помогала ему перед уроками и на большой перемене. Может, потому что бабушка занимала его время на переменах, мы мало с ним общались и о нём почти ничего не знали. Потом этот случай...

Мы с Васькой во второй половине дня возвращались из центра. Тогда были перебои с хлебом, и, бывало, за одной булкой рыскаешь целый день по городу. Вот и сегодня, простояв полдня в очереди, ушли домой ни с чем. Поравнявшись со школой, мы вдруг услышали взрыв, где-то в районе поповского дома.

– Похоже, кто-то разрывной пулей о стенку, – предположил Васька.

– Нет, это сильнее, так было слышно, когда у тётки Марфы корова на mine подорвалась, – возразил я.

– Да, похоже, – согласился он. – Побежали, посмотрим. Во дворе поповского дома уже стояло несколько человек, и было очень тихо, только где-то в густой кроне над самой головой изредка каркала испуганная взрывом ворона.

Мы осторожно подошли, ступая по мягкой траве. Крыша, угол дома были побиты осколками и в окнах выбиты стёкла. Под стеной белела осыпавшаяся штукатурка. На зелёном ковре двора что-то лежало под двумя простынями. Рядом, как огромный букет лежала срезанная осколком ветка сирени.

Появился милиционер. Он молча подошёл и приподнял простыню, что была ближе к нам. Под ней лежала молодая женщина. Её густые чёрные волосы рассыпались по зелёной траве и словно чёрной рамкой обрамили бледное лицо. Глаза были закрыты, и казалось, что она в глубоком обмороке.

Милиционер опустил простыню и открыл то, что было ближе к нам. Я сразу отвернулся. Мне стало плохо то ли от голода, то ли от того, что я увидел. Тошнотворный комок подкатил к горлу. На земле лежал кусок кровавого месива. Там лежало то, что ещё совсем недавно было весёлым Диминым братом...

Потом бабушка расскажет. Она сидела с его мамой на скамейке. Мама держала на руках маленькую сестричку. Дима с братом играли в прятки.

И вдруг Димин брат выбежал из зарослей сирени с каким-то блестящим предметом в руке и, счастливый, побежал к маме показать находку.

– Мама, мама, смотри, что я нашёл!

– Брось немедленно! – крикнула она и отвернулась.

Он бросил себе под ноги. Прогремел взрыв...

Дима скончается в больнице от ранения в голову, так и не приходя в сознание. Бабушка, раненная в ногу, будет всегда ходить с палочкой. А на сестричке нет даже царапины. Когда-нибудь она узнает, что мама успела отвернуться и закрыть ее собой, а один осколок попал ей прямо в сердце.

Была весна. У поповского дома цвела сирень...

Мужская слеза

Однажды мама вернулась домой поздно с красным, заплаканным лицом.

– Горе нам, сынок, сироты мы, – она взяла меня на руки и снова начала плакать.

– Что случилось? – спросил я.

– Нет больше твоей бабушки, – мамины слёзы закапали на моё лицо. Она была так расстроена, что даже не могла говорить.

На следующий день мама ушла из дома рано утром и вернулась, когда я спал.

А сегодня она одела меня в новый матросский костюм с бескозыркой. На бескозырке были ленточки с якорями, и золотыми буквами написано: “ВАРЯГ”. Я нацепил на пояс настоящий морской кортик, который подарил мне на день рождения дядя Петя, и представил себя сильным и бесстрашным “морским волком”.

– Пойдем, попрощаемся с бабушкой, – сказала мама.

Мы пошли хорошо знакомой дорогой. Даже в темноте я угадывал бабушкин дом по запаху свежего хлеба. Бабушкин дом стоял возле речки. Сразу за домом – сад, а за ним спускался к лугу большой огород. Перед домом, под окнами, росли сирень и цветы на клумбах. Мне всегда нравилось у бабушки – и летом, и зимой...

Эту зиму она болела и больше лежала. Было непривычно видеть её в постели, потому что обычно она весь день работала и садилась отдыхать, когда солнце пряталось за большую гору. Вечером мы пили с ней чай с вишнёвым вареньем без косточек и с булочками или пирогами с маком, которые она сама пекла.

Такие вкусные пирожки даже у мамы не получались, потому что только бабушка продавала их на базаре. К базарному дню она замешивала в большой деревянной деже тесто. Оно само поднималось и хотело вылезти из неё, но бабушка заталкивала его назад, добавляла муки и снова месила. Но тесто снова поднималось и пытело. От него шёл приятный запах дрожжей...

– Полина Сергеевна, – позвал кто-то с улицы.

Бабушка широко открыла дверь, и в дом вошёл мужик с тяжёлым мешком на плечах. Он был весь в муке, только глаза чернели на белом лице.

– Вот сюда, сюда клади, – она показала, куда поставить мешок. Тут же открыла его, зачерпнула горсть муки, понюхала и, капнув воды, скатала комочек теста.

– Жидковатое тесто получается, Степан, – подала ему. – Расплывается. А ну как выпечка не получится? Сраму будет на весь базар.

Дядя Степан кряхтел, нюхал тесто, потом долго разминал его, словно понимал в нём так же, как бабушка.

– Вы же, Полина Сергеевна, только у меня берёте муку, и у вас всегда славные булочки – это все знают. На эту муку пошла твёрдая пшеница, как стёклышко, сам на зуб пробовал, и скидку я делаю только вам.

– Ладно, ладно, – замахала руками бабушка. – Не накаркай, а то Бог услышит.

Она достала с полки шкатулку и отсчитала деньги.

– На, считай, деньги любят счёт. Муку высыпь в ларь и детишек угости от меня, – она положила ему в карман булочки.

Он высыпал муку, свернул и положил под мышку мешок и, выходя из дома, спросил:

– Так значит через неделю привезти? – Как всегда, Степан. Скоро брошу эту работу, силы уже не те, – жаловалась бабушка, провожая его на улицу.

Ближе к вечеру она растапливала большую печь, которая вместе с лежанкой занимала, чуть ли не половину кухни. Дрова привозил лесник. Он заносил большие, аккуратно наколотые и перевязанные жгутом из сена вязанки, бросал их в коридоре и крякал. Бабушка вытаскивала из вязанки полено и как – бы взвешивала его в руке.

– Дрова – то тяжёлые, сырые, как змеи будут шипеть в печи, а жару не дадут. Разве на таких дровах можно печь? Антон, ты представляешь, какой конфуз может случиться – на весь город?

Лесник тоже взял полено красными от мороза пальцами, поднёс его к бабушкиному уху и постучал по нему большим, с черной каймой, ногтём.

– Послушайте, Полина Сергеевна, с этих дров можно скрипку делать – сухие, как порох. Только для вас сушу под навесом дрова, – и какие дрова, – он опять крякнул.

– Какие к дьяволу скрипки из этого дерева, зайди в дом, – бабушка снова достала из той же шкатулки деньги.

Пока лесник считал их, поплёвывая на свои грубые, негнущиеся пальцы, она налила из графинчика стакан водки.

– Выпей, Антон, настояна на траве, которую ты принёс этим летом, согрейся, тебе далеко ехать. И булочек возьми детишкам, гостинец от бабушки Полины, – она завязала в белый платочек булочки.

Лесник взял со стола стакан, опрокинул водку в рот и крикнул от удовольствия.

– Спасибо, дай вам Бог здоровья, Полина Сергеевна, – взяв узелок с булочками, он вышел, гремя огромными сапогами.

Бабушка внесла на кухню охапку дров и затолкала их под печь.

– Пусть отойдут от мороза.

Через некоторое время к запаху дрожжевого теста добавляется запах дров. Бабушка снимает с печи заслонку, поправляет сложенные в ней горкой дрова, кладёт под них щепок, клочок сена и поджигает. Сухие дрова быстро разгорелись, начали стрелять и сыпать искрами, разнося по кухне запах дыма. Мне показалось, что я уже не на кухне, а в каком-то далёком – далёком лесу греюсь возле партизанского костра... Пламя охватывает все дрова и облизывает свод печи, устремляясь в дымоход. Но вот пламя становится всё меньше и меньше, поленья растрескиваются на большие красные уголья. Бабушка берет кочергу, разбрасывает их по всей печи и закрывает заслонку.

– Пусть печь наберётся жару, а мы займёмся тестом, – обращается она ко мне, словно мы работаем вдвоём. Я, конечно, помогаю во всём, только при работе с тестом ей не требуется помощь.

Она выхватывает из дежи большой кусок теста, посыпает его мукой, раскатывает, режет на дольки и опять раскатывает. У неё так ловко и быстро получается, словно в сказке – по “щучьему велению” прыгают комочки теста в смазанные маслом противни.

– Теперь, внучек, туда – сюда не ходи, чтобы не нахолодить кухню и не простудить тесто, – предупреждает она.

Я не представлял, как можно простудить тесто, но не спрашивал, потому что она сердилась, когда её в это время отвлекают. Бабушка у меня добрая, но очень строгая, и хотя она не ругает меня так часто, как мама, я её слушаюсь...

Скоро противни с тестом заняли всё место на печи и лежанке. На них уже лежали не те маленькие комочки, которые скатывала бабушка, они выросли и заполнили всё свободное пространство.

Бабушка снова открыла печь – теперь там было темно: ”И точно, печь забрала весь жар”, – подумал я. Только под пеплом, как звёздочки на небе, поблескивали редкие угольки. Она выгрестила из печи пепел и остатки жара, быстро уложила туда противни и опять закрыла заслонкой.

Через время к запахам теста, дров, углей стал примешиваться и постепенно пересиливать их запах хлебной корочки и ещё чего-то вкусного... Было поздно и очень хотелось спать.

– Залазь, внучек, на печь, поспи немного, – предлагает бабушка,

– Хочу пирожка попробовать, – отказываюсь я.

Но усталость берёт своё, глаза слипаются, голова становится тяжёлой, сама по себе падает, и я не выдерживаю, залезаю на печь и ложусь так, чтобы было видно, когда бабушка начнёт вытаскивать булочки...

– Коля, внучек, вставай, – будит меня бабушка.

Я просыпаюсь, хочу встать, но никак не могу побороть сон. Бабушка всё же растолкала меня и вложила в руку тёплый пирожок. Это был мой любимый пирожок с маком. Откусываю его, медленно жую и засыпаю таким крепким сном, что даже не слышу, как меня раздевает и снова укладывает спать вернувшаяся с работы мама...

А весной, когда начинал таять снег, работы бабушке прибавлялось. Она выносила из погреба картошку и готовила её к посадке. Нужно было от каждой картофелины отрезать ту часть, где были видны проклёвывающиеся ростки, затем обмакнуть резаной стороной в пепел и положить в ящик. Оставшаяся часть, складывалась назад в мешок и уносилась в погреб. Через время из глазков вырастали зелёные ростки. Бабушка ухаживала за ними как за детьми: перекалывала с места на место, смачивала водой. Потом, когда вспахали огород, она аккуратно, чтобы не повредить ростков, клала в ямки, бросив сначала горсть пепла, и засыпала землёй. У неё раньше всех вырастала не только картошка, но и зелень: щавель, лук, укроп. А какая вкусная молодая картошка у бабушки с укропом и сливочным маслом! И кислый щавель любил, но бабушка сильно ругалась, когда я вытаптывал огород. Всё равно я люблю её, даже когда она меня ругает...

Когда мы подошли к бабушкиному дому, там было много народу: соседи и совсем незнакомые люди. Бабушка почему-то лежала не на кровати, как в последнее время, а в узком чёрном ящике на двух табуретках. Лицо у неё стало совсем худенькое, глаза были закрыты, а в сложенных на груди руках горела свечка.

Мне стало очень жалко её. У меня на глазах сами собой появились слёзы. Я зашмыгал носом и хотел, было заплакать, как мама и тётки, но дядя Петя, который стоял сзади, наклонился и прошептал на ухо: “Ты же мужчина, не плачь”. Я посмотрел по сторонам и не увидел ни одного плачущего мужчины, они только хмурились. Ещё несколько раз хмыкнув носом, я успокоился.

Лишь когда заиграла музыка, и бабушку выносили из дома, мне к горлу подкатился ком. Я хватал воздух, как рыба, вытасченная из воды, казалось, вот-вот зареву, и всё же пересилил себя, потому что было стыдно – все увидят и подумают, что я не мужчина.

До кладбища я ехал на машине, возле бабушки. Жалобно играла музыка, женщины плакали, а я, сжав губы, хмурился и всю дорогу смотрел на неё.

На кладбище я, как все родные, поцеловал её в холодный лоб. Когда по крышке глухо застучали комья земли, я понял, что бабушки больше нет. К горлу снова подкатил тяжёлый ком. По лицу побежало что-то мокрое – это были мои слёзы. Закрыв лицо руками, я вышел из круга столпившихся возле ямы людей и убежал подальше, за могилы. Там я упал на траву и громко зарыдал.

У р о к т и ш и н ы

Вера Петровна, учительница математики в средних классах, требовала полной тишины на уроке. Она заходила в класс, снимала с руки свои большие мужские часы, клала их на стол и ждала.

– Я не с-с-слышу как идут часы, – говорила она сквозь свои стальные зубы. Буква “с” у неё получалась с шипением. Оно напоминало шипение змеи. Прошлым летом я чуть было не наступил на неё, когда собирал землянику в лесу.

Может, Вера Петровна была сильно нервная, из-за чего не переносила малейшего звука в классе, кроме своей речи и боя часов. А ещё она любила, когда первым тёплым весенним днём тишину в классе вдруг будит вылезшая из щели перезимовавшая муха. В это время она смолкала и слушала жужжание мухи. Оно, наверное, напоминало ей молодость, весеннюю цветущую лужайку. Может, потому она так строго требовала тишины, чтобы не пропустить этот момент. У неё была даже не любовь к тишине, а страсть. И оценки за знания она ставила, учитывая дисциплину: кто сидел тихо на уроках, тем на балл выше, и наоборот. Своим прилежным любимчикам она никогда не ставила двоек, даже за незнание аксиом. Но если у тебя нет терпения, просидеть весь урок так, чтобы руки лежали на парте и, спина была ровная, как доска, – на пятёрку не рассчитывай, будь ты самим Лобачевским.

Я был одним из тех, “кто даром штаны протирает”, как говорила она. Но почему-то из всех школьных дисциплин мне больше всего нравилась математика. Может, потому что я меньше отвлекался у нее на уроках, или по свойству характера больше подходило решение зрительных и логических задач, чем требующая механической памяти и зубрёжки грамматика. Чтобы скоротать время или от желания хоть как-то пошевелиться на уроке, я поднимал руку, когда кому-то у доски требовалась помощь. Если больше желающих не было, Вера Петровна давала мне слово. За ответ с места оценку она не ставила, а когда вызывала меня к доске, то обычно звучало: “С-с – садись. Три”. Казалось, она ревновала меня к прилежным ученикам. Но я всё равно не обижался и оценку своих знаний принимал как должное, потому что по другим предметам бывало и похуже.

Лишь один раз она изменила своему правилу. Был открытый урок, на котором присутствовал директор школы – он же вёл математику в старших классах. Я поднял руку, и после ответа у доски прозвучало как всегда:

– С – с – садись. Три?

– Почему три? Он на твёрдую четвёрку ответил, – сделал замечание директор.

– Если вы так считаете – четыре, – это была единственная четвёрка в журнале против моей фамилии.

С дисциплиной мне постоянно не везло. Как я ни старался сидеть тихо, что-нибудь, да случалось: то тетрадку не ту вынул и

нужно лезть в портфель, то под парту нырял за скатившейся ручкой. Или воробей усядется на окно и давай чирикать, словно зовёт меня на улицу поиграть. А какие могут быть игры у Веры Петровны на уроках? Воробью что? Он улетел – у него крылья, а мне пришлось до конца урока стоять.

Вот и в тот тёплый, солнечный весенний день вдруг проснулась муха и закружила по классу: то к доске, то на галёрку, то к потолку, то к окнам. Все сопровождали её глазами, не поворачивая головы. Даже ученица, отвечавшая у доски, повернулась к классу и смолкла. У Веры Петровны на её всегда скучном и строгом лице вдруг появилось что-то наподобие улыбки. Она сидела, уставившись куда-то невидящими глазами. Так сидят в концертном зале и слушают любимую музыку.

Наконец, большая синяя муха несколько раз ударилась в моё окно и зазвенела крыльями по стеклу, пытаясь вылететь на улицу. “И почему она села именно на моё окно?” – успел подумать, засовывая в рот промокашку. Быстро разжевав её, я вставил комочек в трубочку из камышинки...

Вера Петровна, казалось, забыла, что у доски стоит её любимая ученица. Она закрыла глаза и расслабилась: лицо растянулось в улыбке, стальные зубы заблестели, бросая на стену солнечные зайчики...

Я выстрелил... Стояла такая тишина, что было слышно, как муха упала на подоконник. Класс затаил дыхание. Никто не смел, даже пошевелиться, только на столе громко тикали часы.

Случайная встреча

Идёт вторая половина лета. По всем срокам и приметам – грибное время. Я уже несколько раз ходил в разведку, но грибов нет – они чего-то ждут. Вот и сегодня решил пройтись – а вдруг. Ведь как бывает: приходишь, а грибы уже старые, червивые, всего-то на день-два опоздал.

Спускаюсь в небольшой распадок, перехожу ручей и по кромке леса поднимаюсь на другую сторону. Вдоль опушки больше солнца, земля здесь хорошо прогревается и грибница быстрее созревает.

Молоденькие берёзки, словно из любопытства, выбежали из леса посмотреть, что на поляне, да так и остались стоять. Ветер перебирает листвой, кажется, они шепчутся друг с дружкой, рассказывая свои секреты. А вот осинки, стоят группкой, и когда я подошёл близко, вдруг залопотали-залопотали.

В лесу прохлада. Прошедший недавно дождь хорошо увлажнил землю, грибной дух перебивает все запахи. Петлюю вдоль опушки: то захожу немного в чащу, то иду по поляне, но грибов нет.

Всё, решил возвращаться домой и, чтобы сократить путь – напрямик через лес. И тут, в чаще, натываюсь на кабаньи следы. Видно, как рылись они в поисках съедобных корешков и червячков. Чем дальше, тем свежее следы, а вот земля даже не успела обветриться. Я шёл очень тихо и подумал, что так можно зайти прямо в середину стада, а оказаться среди диких животных ничего хорошего не сулило.

Мой сосед, заядлый охотник, рассказывал, что у кабанов свои порядки в стаде и даже дисциплина соблюдается. В центре стада ходят самки с малышами. Дальше от центра, по кругу, находятся годовалые и постарше самцы и самки без детёнышей. А ещё дальше, как спутники, ходят старые самцы. И самый сильный и опытный из них – вожак – уводит стадо за собой при опасности.

Сворачиваю в сторону и стараюсь быстрее выйти из чащобы. Впереди показывается просвет, и я выхожу на широкий ровный луг, на котором нет ни деревца, ни кустика. Только спелая, готовая к сенокосу трава. Она так быстро поднялась, что на ней даже тропинок и следов зверей не было заметно.

Жалко топтать её, и я пошёл вдоль опушки по самому краю луга. Лесное созревшее разнотравье. В этом зелёном море не найдёшь и двух одинаковых травинок. Седые венчики, покрытые слегка желтоватой пыльцой, вперемешку с чуть посветлевшими метёлками, и цветы, цветы, цветы... И над этим зелёным, переливающимся на солнце морем, под куполом чистого прозрачного неба – этого огромного театра природы, звенит музыка, которую создаёт бесчисленное множество скрипачей и других музыкантов, играющих на самых разнообразных инструментах под управлением великого дирижёра – любви.

Я представил себе, что скоро здесь засверкают на солнце косы, и весь распадок наполнится запахом сена – так наполняется ароматом дом от чашки внесенного свежего лугового мёда. Вдыхаю настоящий на травах воздух и забываю обо всём на свете: и о следах, и о кабанах, которые возможно бродят рядом. Рука сама тянется за красивым цветком, но он вдруг взмахнул крылышками и улетел. Срываю несколько пучков красного клевера. Принесу домой, чтобы и в квартире запахло медовым ароматом...

Треск ломающихся стеблей клевера издаёт звуки, точь-в-точь похожие на кабанье хрюканье. Звуки хорошо слышны, как слышен кашель зрителя в концертном зале, когда звучит музыка. Я даже успел подумать, что кабаны, с их исключительным слухом, могут принять его за сигнал сородича. И точно. В кустах слышно ответное хрюканье... В голове промелькнуло: “Сейчас выбежит кабан. Как быть? Бежать на другую сторону луга далеко”. Рядом росла яблонька – дичка, но она была такая ветвистая, что к её стволу не добраться, и я остаюсь на месте, даже не шевелюсь.

Слышится треск, и из кустов прямо на меня выкатывается огромный кабан. Он резко останавливается и смотрит в недоумении: вместо своего детёныша, отбившегося от стада, перед ним стояло какое-то двуногое существо.

Секунды мы смотрим друг на друга, не шевелясь. Я только заметил огромные, загнутые вверх клыки и вздыбленную на спине щетину. Кабан резко разворачивается и с хрюканьем исчезает в кустах. Я тоже быстро ухожу на противоположную сторону луга, прокладывая в высокой траве тропинку и вспугивая кузнечиков.

Солнышко

Ты – мое Солнышко! Ты так ласково грело весною. Я чувствовал прикосновение твоих тёплых нежных лучей-пальчиков – каждым волоском, каждой клеточкой. Моя душа пела и трепетала, как поёт соловей – в кусту смородины на берегу уснувшей под шёпот ив речки...

Время, казалось, остановилось, а Солнышко всё жарче обнимало меня лучами, оно опалило, обожгло своей страстью – летним зноем. В полнеба вспыхнул зажжённый им костёр любви. Полыхнул он яркими красками уходящего лета и начал угасать под мелкими, унылыми, нудными осенними дождями семейного быта. Горькие капли падали на костер. Раскаленные угли шипели паром, возмущаясь от несправедливости, они хотели догореть до конца.

Но холодные капли всё падали и падали, костёр потух, и на том месте остались лежать чёрные головешки.

Небо зашторили низкие серые тучи. Подул резкий ветер, пошёл снег. Солнышко поспешило куда-то на юг, в тёплые края. Мне стало очень холодно и неудобно на этой – ещё совсем недавно

такой тёплой и прекрасной земле. Я ждал, надеялся, что оно скоро вернётся. Но вокруг лишь глубокие снега, чёрные деревья и стужа, стужа, стужа... Стало очень холодно, окоченело не только тело, но и душа. Совсем замерзая, я вдруг вспомнил, что Солнышко, прежде чем уйти, оставило мне тепло. Это тепло хранилось в почерневших от стужи деревьях. Окоченевшими руками я наломал сухих веток, разжег костёр и снова ощутил на себе прикосновение её нежных лучей – пальчиков.

Снова стало тепло и спокойно на душе – захотелось жить и работать.

Я понял, что подаренное когда-то с любовью тепло не пропадает, оно остаётся на всю жизнь, нужно только суметь найти его в своём сердце, разжечь и поддерживать, как в холодной ночи костёр.

Спасибо тебе, Солнышко, я на тебя не обижаюсь, знаю, что так нужно, что так требует Великая Природа. Ты приходишь к нам с любовью, и сколько бы ты ни грело, нам всё равно это покажется мигмом счастья... Потом ты уходишь, и наступает долгая-долгая зимняя ночь...

Но всё проходит и ночь тоже, и опять всходит Солнышко, оно растапливает снега и льды, согревает землю – и наступает весна. Только это уже другая весна, теперь другое Солнышко будет ласкать меня своими лучами-пальчиками. Так было и будет, но память всегда хранит то, единственное и неповторимое Солнышко.

Спасибо тебе, Солнышко!

С н е ж н ы й ц в е т о к

Багульник... О нём сложены песни. Сколько полотен посвятили ему сибирские художники. Весною, когда ещё только-только распускаются почки на деревьях, расцветает он на сопках. В лучах заходящего солнца загорятся они сиреневым светом и медленно гаснут, как уголья догорающего костра, пока не наступит темнота. Сиреневый красавец, багульник даурский, обитатель южной части Сибири, в Южной Якутии уже не растёт. Там огромные таёжные пространства-сопки и мари, вместе с ерниковой берёзкой, голубичником и брусникой, занимает его тоже вечнозелёный брат –

багульник болотный. У него мелкие листочки, розетка белых как снег цветов и резкий запах. Все знают, как мешает он, путаясь под ногами, как дурманит голову при сборе голубики и брусники.

Но не все знают, что в холодной Якутии растёт ещё один вечнозелёный родственник – рододендрон. У него такое же сложное для произношения название, как и путь к местам, где он растёт. Его не найдёшь в сравнительно тёплых распадках, ни на берегах холодных и чистых ключей и рек, где любит селиться, например, золотой корень. Он забирается на самые высокие сопки, поближе к солнцу. Там уже не растут деревья, даже ольховник не поднимается сюда, только вечнозелёный стланик-кедрач смог забраться на такую высоту. Это как же надо любить жизнь, свет и свободу, чтобы жить здесь, на скудной каменистой почве, выдерживая лютые морозы и ветра?..

Лишь прожив полтора десятка лет в Якутии, я впервые увидел этот замечательный цветок – рододендрон. Вообще эти места не богаты на цветы, может, потому что нет здесь пчёл и других насекомых-опылителей. Конечно, чем ближе к югу, тем больше цветов, тем разнообразнее, пышнее, тем сильнее благоухают они, чтобы выделиться, чтобы привлечь к себе внимание. Здесь же не нужно это, здесь нет конкурентов, здесь некого привлекать, здесь он один... Он знает себе цену... Он пережил целые геологические эпохи и другие катаклизмы, прошедшие на этой земле...

Когда-то, сотни миллионов лет назад, вздыбилась она под адским давлением. Земная кора не выдержала, лопнула, раскалённые газы вышли, и образовавшаяся огромная сопка начала остывать. Рододендрон появился здесь, когда было ещё тепло, когда здесь были тропики, поэтому он вечнозелёный. Потом климат менялся: были похолодания, оледенения и опять потепления, но он не хотел меняться и не желал уходить с этой земли. Как верный сын своей родины? оставался с ней и в трудные времена, страдая и терпя лишения. Хочется склонить голову перед ним... Обо всём этом мне поведал мой друг-поэт.

Оказывается, ежегодно в начале короткого якутского лета, как ритуал, как паломничество, совершает он восхождение на эту высокую красавицу-сопку, преодолевая десяток километров бездорожья: болота, мари, речки и труднопроходимые заросли. Узнав об этом, я напросился ему в попутчики.

Обычно он отправляется на сопку Крутую, так ее называют здесь, утром с первым автобусом. В этом году время паломничества совпало со знаменательным событием. Накануне состоялась презентация первого сборника его стихов. День был тёплый и солнечный, но когда возвращались домой, вдруг набежали тучки, прошёл небольшой дождь, и засияла радуга, рядом ещё одна, и простояли они до самых сумерек. Это был хороший знак.

Мы собирались подниматься на сопку Крутую, на следующий день, поэтому приготовились к походу заранее. Но засиделись, времени для сна оставалось совсем мало, и я предложил отправиться, как только разойдутся гости. Предложение принято...

И вот посреди ночи мы оставляем теплое такси, переходим по мостику небольшую речку и углубляемся в тайгу. По ночной тайге иду впервые. Хотя это не совсем ночь: закат не гаснет, лишь разворачивается с запада на восток, и светит полная луна. На чистом небе видны только крупные звёзды. Но все равно свет не настоящий – призрачный, и детали как вдалеке, так и рядом не видны...

Выходим на дорогу, много лет назад проторенную геологами. Она уже заросла травой и кустарником, но глубокие следы от гусеничных машин остались. Прыгаем с бугорка на бугорок, обходим сильно заболоченные участки, и всё равно скоро от густой росы промокают ноги. Мы идём быстро, болотная вода и роса настолько холодные, что не возможно согреться, такое ощущение, словно бредёшь в ледяной воде.

Лязг вагонов и гудки манежового поезда остаются где-то позади и растворяются в безбрежном таежном пространстве. Слышно только чавканье сапог в болоте...

Проходит несколько часов, прежде чем мы выбираемся на сухое место. Но роса густеет. Затронутая ветка кустарника обдаёт холодным душем с головы до ног. Ещё какое-то время по инерции, кажется, слышно неприятное чавканье, словно продолжаешь идти по болоту. Но вот наступает полная тишина – до звона в ушах... И вдруг еле слышное пение птицы. Сначала даже не поверилось. Какое-то время идём молча. Потом я спрашиваю: "Ты слышишь?". "Да", – отвечает он.

Остановились, прислушались: точно птичье пение, нет, не ночные крики, а именно пение... Продолжаем движение. И все отчетливей слышно это необычное ночное пение. Оно вдруг напомнило юность, наступающую прохладу южной ночи. Как он

старается! Как выводит колена, приглашая на облюбованную территорию молчаливую подругу. Да это, оказывается, соловей. Конечно, в силе голоса и темпераменте ему далеко до его знаменитого европейского собрата. Но здесь в этой, казалось, забытой Богом глухомани, особенно приятно услышать, пусть не такие яркие и сочные, но так любимые с детства трели. Природа мудрая, она во всём соблюдает гармонию. Ночи здесь светлые и тишина, тишина, тишина... Даже слабые звуки слышны на большом расстоянии, и, кажется, что наш соловейко жалеет разбудить её. Но всё равно его мастерство покорило нас...

Подойдя совсем близко, мы долго стояли и слушали его, потом тихо пошли, чтобы не потревожить этого чудного певца. Всё дальше и дальше уходим от ночного солиста, и нас опять обнимает тишина. Но что это? Мы снова слышим трели – это эстафету принимает второй, и так до рассвета. В моей жизни это был самый необыкновенный концерт, который вряд ли когда-нибудь ещё услышу. Если бы знать, я согласился бы тащить на себе магнитофон, чтобы записать...

Издали слышен шум реки. Преодолеваем её по сваленному дереву. За речкой скважина, из которой течёт вода с сильным запахом сероводорода. Вода холодная, больше трёх глотков не выпьешь, а жаль, видно очень полезная. Рядом лежит ржавая емкость с встроенной печкой. Когда-то геологи грели в ней воду и лечили свои радикулиты, заработанные в этих холодных, болотистых краях. Сразу за речкой начинается подъём, сначала плавный, потом всё круче и круче. Еле видная тропинка совсем пропадает. Мы забираем то влево, то вправо, пытаюсь пробиться сквозь густые заросли стланика и ольхи...

Вдруг словно с пустыни повеяло горячим воздухом, здесь, видно, образуются тёплые воздушные турбулентные потоки.

Шаг за шагом продираемся к подножью горы, и вот она во всей своей красе. Действительно, очень крутая, даже страшно смотреть туда. Низко нагнувшись, цепляясь за ветки, начинаем подъём. До вершины еще полтора часа пути. Редкая тайга остановилась у подножья. Только отдельные низкорослые лиственницы попытались подняться на вершину, но им не хватило сил. И стоят они невдалеке, как старухи, скрюченные, с обмороженными, наполовину усохшими ветками.

Немного поднявшись, останавливаемся отдохнуть. Кажется, мы парим на высоте птичьего полёта, а под нами темно-зеленая тайга, обрамлённая цепью далеких, ещё заснеженных, хребтов. Ближе белеет город – это наш Нерюнгри, словно одинокий белый лебедь уснул на волнах. Рядом серый островок – угольный разрез, а дальше видны трубы Нерюнгинской ГРЭС и ещё совсем маленькие островки цивилизации – посёлки Серебряный Бор и Беркакит. Эти маленькие островки цивилизации, как утлые кораблики в море угрюмой тайги. Кажется, сейчас поднимутся зелёные волны и смоют эти маленькие островки человеческой жизни и снова, как и тысячи, а может миллионы лет, будет также невозмутимо смотреть на всё это сопка Крутая...

А над ней синее-синее небо. Хотя я поднимался на сопки и повыше, но такое чувство испытываю впервые. Кажется, что она живая и зовет меня к себе, словно желанного большими ясными глазами влюбленная женщина.

И я подумал: “Вот так, живешь, суетишься, каждый день на работу, с работы и каждый день смотришь не только на сопку, но и на все остальное безразличными невидящими глазами”.

И вспомнились стихи Тютчева:

“Последний катаклизм.

Когда пробьет последний час природы,

Состав частей разрушится земных:

Все зримое опять покроют воды,

И божий лик изобразится в них!”

Вот так же случись катаклизм житейский, и эти маленькие островки цивилизации утонут в пучине безбрежной угрюмой тайги...

Показывается красное, холодное солнце. Чем выше, тем холоднее от усиливающегося ветра. Он неприятно обдувает мокрое от росы тело...

Издали гора кажется совсем голой. Здесь же она густо поросла стлаником. В одном месте он выгорел, и его обгорелые остатки напоминают огромных чёрных пауков. Такое ощущение, что ты оказался на другой планете, где пауки выросли до таких гигантских размеров.

...Шаг за шагом мы приближаемся к вершине. И вот... В прогалинах стланика видим заросли невысокого кустарника. Листочки у него похожи на небольшие лавровые, только зелёные, а

над ними распускающиеся светлые, жёлто-зелёные бутоны – это рододендрон.

Мы падаем на колени, берём в ладони цветок, наклоняемся, нюхаем. Со стороны это похоже на молитву. Действительно, в нём есть что-то особенное, божественное. Его невозможно даже описать. В нём чудной пропорцией сочетаются три цвета: белый, жёлтый и зелёный. Возможно, это цвет неба перед восходом солнца, цвет зарождения нового дня. У этих цветов тонкий, еле уловимый запах: снега, талого снега, талой воды – запах весны. Это, наверное, запах далёких ледниковых эпох донес он до наших дней...

А мы всё стоим на коленях и вместе с рододендроном встречаем новый день. Теперь и ветер стал не такой злой, и на душе стало теплее. Но ноги от холода сводит судорогой и зуб на зуб не попадает.

Мы продолжаем подъем, гора кажется бесконечной... Наконец, показывается геодезический знак – самая высокая точка, а вокруг всё то же сплошное ярко-зеленое море стланика.

Мой друг написал замечательное стихотворение, оно начинается словами: “О чём поёшь ты, ветер, в стланике...” Оно так соответствует настроению и тем звукам, которые извлекает ветер из мягких и нежных иголок... В ответ я слышу радостно: “В конце прошлого лета рядом ударила молния, но я не сгорел, как мои соседи, похожие теперь на чёрных пауков”. А вот грустные нотки: “Весна была поздняя, её даже не было совсем, и когда я зацвёл, ударил жёсткий мороз, и даже я, привыкший к заморозкам, не выдержал. Поэтому не будет шишек, не будет корма для бурундуков и других обитателей тайги. Многие могут погибнуть от голода или уйдут отсюда, и мне одному будет очень скучно лежать под снегом долгую-долгую зиму”...

Преодолеваем последние метры зарослей и выходим на небольшую поляну. Очень удобное место. Оно закрыто со всех сторон от ветров, и главное – рядом вода – здесь в десяти метрах маленькое, но глубокое озерцо. Когда-то это был кратер, из которого раскалённые газы вырвались наружу, давление в земной коре снизилось, и расплавленная лава так и не излилась. Поэтому у озерца такая форма, словно кто-то бросил в него огромные глыбы гранита. Потом эту каменную чашу заполнила ледниковая и снеговая вода. Вот почему она здесь всегда чистая, холодная и пахнет снегом...

С удовольствием принялись за работу. Из веток стланика устроили постель, потому что каменистая почва за ночь совсем остыла. Разводим костёр, снимаем мокрые сапоги и одежду, разогреваем на костре сосиски и выпиваем по стопке – за восхождение. Тепло приятно разливается по телу и, кажется, не было бессонной ночи, холодного болота и утомительного восхождения: “О чём поёшь ты, ветер, в стланике...”

Мы с другом молчим, слушаем его песни, пытаюсь уловить в них что-то своё: может, здесь мы получим ответ на извечные вопросы жизни. Выпитая водка и поднимающееся солнце приятно согревают, а колыбельная поющего в стланике ветра убаюкивает нас.

Через пару часов меня разбудило высоко поднявшееся солнце: стало жарко. Встаём отдохнувшие и совсем свежие. Я занимаюсь костром и сбором прошлогодних грибов, а друг чистит картошку и варит суп. Прошлогодние грибы, вымоченные дождями и высушенные солнцем, стали хорошей добавкой к нашему супу – вот уже его аромат слышен. На углях жарим шашлык, и обед готов. Такого супа, сваренного из чистой снеговой воды, на грибном бульоне и на дровах из стланика, на высоте где-то 1500 метров над уровнем моря, как на необитаемом острове среди зеленого океана, вам не подадут ни в одном ресторане, ни за какие деньги.

После обеда одеваемся, чтобы не сгореть на солнце, и снова ложимся. Слушаем бесконечную песню стланика и наблюдаем за облаками. Они непрерывно преобразуются, рождая всё новые и новые образы.

– Вон, смотри, Монна Лиза, – показывает друг.

– Похоже – соглашаюсь я. – А вон голова лошади.

Наигравшись с облаками, мы снова беседуем о природе, об этом великом чуде.

– Наверное, с этой вершины первобытный человек высматривал мамонтов, и пил воду из этого озерца, и лежал тут же, где мы, – высказал гипотезу друг.

– Да, а ещё раньше, когда здесь было море, и на этом островке грелись, как мы, – динозавры или какие-нибудь земноводные...

...Ветер в стланике снова запел колыбельную песню, и мы засыпаем.

Возможно, мы проспали бы так до вечера, но случилось чудо, точно в то время, когда нам нужно было возвращаться домой: на совершенно безоблачное небо вдруг нашла тучка, и пошёл дождь.

Редкие холодные крупные капли падали на лицо. Они быстро подняли нас на ноги и освежили. А дождик так же внезапно прекратился, тучка развеялась, и всё быстро высохло. Было ровно восемнадцать часов. Пора домой.

Собираем рюкзаки. Срезаем по несколько бутонов рододендрона и поднимаемся на самую высокую точку Крутой. Присаживаемся на дорожку и снова любимся открывшейся панорамой. Под ярким солнцем тайга преобразилась, посветлела и кажется уже не такой дикой как утром.

Мы начинаем спуск, возвращаемся в свой маленький цивилизованный мир.

– До свиданья, Крутая! Спасибо тебе за такой чудесный подарок! Жди нас на следующий год!

Молоко с вишнями

Летом день длинный – длинный, как пыльная дорога, которая ведёт на наше поле. На поле садили картошку. Как только появились темно-зеленые ростки, мы с мамой шли на прополку. Потом, немного погодя, мама окучивала ее и оставляла в покое до конца лета. И только в одни из ясных и тихих дней ранней осени укроется поле клубнями. Они быстро просыхают и светлеют, словно улыбаются, радуясь еще ласковому солнцу и свободе после долгого заточения в земле.

А когда солнце опускалось к лесу, на темной земле уже стояли ряды мешков, и все собирались у костра, от которого вкусно пахло печеной картошкой.

Но больше всего я любил наше поле в середине лета, когда оно сплошь покрывалось белыми цветочками. Я заползал в пахнущую высокую картофельную ботву, куда не доставали жаркие лучи солнца, и сквозь просвет смотрел на проплывающие высоко в небе легкие белые тучки. И я уже представлял, как плыву вместе с ними над землей. Я уже не вижу своей мамы, такой одинокой и маленькой, в белой косынке, посреди зелени большого поля. А подо мной проплывает тот далекий темный лес, который всегда манил меня таинственностью. Кто живет в том лесу? А что за ним, такие же поля? Или, может быть, необыкновенный город, в котором бегают трамваи и много-много машин, а людей, словно муравьев в муравейнике?..

Я хорошо знал дорогу на поле. Самое страшное – это перейти речку по узенькому деревянному мостику. Внизу чёрная вода так и хочет закружить голову и затянуть в водоворот, но я крепко держался за мамину руку, и мне было почти не страшно...

В этом году мама не брала меня с собой.

– Ты уже взрослый у меня, - как всегда говорила она, – зачем тебе целый день жариться на солнце, да и вставать рано тебе не хочется. А я быстрее с работой справлюсь и домой раньше приду.

Теперь я остаюсь дома под присмотром старшего брата. Мама всегда строго наказывает брату смотреть за мной, словно я маленький. Брат, конечно, уже большой, он ходит в школу, и когда играет с ребятами в “войнушку”, его всегда выбирают командиром. Я тоже играю вместе с ними. Мне надевают на голову помятую

кастрюлю – вместо каски, вместо винтовки дают палку и ставят “часовым” у сарая. Старый, подгнивший сарай, в котором хранится всякий хлам, а наверху – сено для кроликов, теперь “штаб”.

Мне нужно первым увидеть подкрадывающегося к “штабу” “диверсанта” и первым “выстрелить” в него. Но, как я не стараюсь, меня всегда “снимают” незаметно подползающие “разведчики” и потом запирают в этом же сарае как “пленного”.

По лестнице забираюсь на сеновал, долго играю с солнечным зайчиком, пробивающимся сквозь дырку в крыше, и засыпаю... Пока я нахожусь в “плёну”, брат с ребятами – на речке. Но зато потом он всегда что-то приносит мне: то хрустящий огурец, то сладкую морковку, то ароматную землянику. Вчера он принёс в старой армейской фуражке вишни, такие же в соседском саду краснеют на деревьях.

Солнечного зайчика вчера не было, потому что солнце спряталось за тучи, и я, от нечего делать, исследовал весь сарай. Здесь оказалось много всяких вещей, которые, наверное, служили еще дедушкам и бабушкам моей мамы.

В одном углу стоял стол с кривыми ногами, а возле него на коротких ножках длинная скамейка. На стол, чтобы не упасть, опирался дверкой, висевший на одной петеле пузатый шкаф. На столе стоял большой позеленевший самовар с вмятиной в боку. Стулья с гнутыми спинками валялись везде: под столом, на столе, а один даже забрался на шкаф.

Я подумал: “Зачем хранят старые вещи?” Мне стало жалко их. Ведь они надеются, что когда-то понадобятся людям. Тогда с них снимут толстый слой пыли и опять внесут в дом, где всегда тепло, светло и уютно.

За скамейкой я увидел рамку, затянутую мешковиной. Она была выше меня. Развернув ее с большим трудом, я вздрогнул – на меня смотрели глаза усатого человека в военной форме. Но самое главное – за портретом, в стене сарая оказалась дыра. Это была большая удача. И я уже представлял себя разведчиком, который совершает побег из плена.

Я давно собирался убежать к маме, когда она будет на поле. Однажды даже дошёл до речки, но брат догнал. Я не выдал ему свою тайну и попросил его не рассказывать об этом маме. На речку мне не разрешалось ходить даже с братом...

Маме трудно работать на поле. Там и в тени, под деревом, было очень жарко. Вода в ведре быстро нагревалась, становилась тёплой, невкусной. Хотелось сильно пить, даже больше, чем кушать, а за свежей водой ходить далеко... Сегодня мама очень обрадуется. Я принесу ей свежей родниковой воды. В плетёной корзинке уже лежала банка, завёрнутая в полотенце, чтобы вода сохраняла холод.

Как только брат с ребятами “взяли” меня в “плен” и побежали на речку купаться, я отодвинул портрет, вылез из сарая, взял корзину и, стараясь быть не замеченным, пошёл следом.

К речке вела крутая тропинка. Нужно идти очень медленно, потому что ноги сами набирают скорость, а если побежать, то уже не остановишься, покатишься кубарем. Вот и мостик. Осторожно ступаю на шаткие, скрипучие доски. Стараюсь не смотреть под ноги, где через большие щели видно, как плещется вода. Крепко хватаюсь за поручни и медленно переставляю ноги, потом смелее, оказывается и без мамы совсем не страшно.

Наконец снова на тропинке, но теперь влажной и прохладной. Тропинка ныряет в речную осоку, из-за которой мне видно лишь небо. Вспугиваю зелёных лягушек и кузнечиков. Кузнечики прыгают через тропинку, стрекочут – приглашают меня к своим играм. А важные сердитые лягушки, совсем нехотя уступают дорогу, кажется, сейчас наступлю на них, скользких и холодных, но в последний момент они прыгают в густую траву.

Скоро тропинка вышла к небольшому журчащему ручью и запетляла вместе с ним. Теперь она становится суше, а трава – ниже, и я уже вижу дома небольшого хуторка, который одной улицей поднимается на гору вдоль этого же ручья.

Хутор называют Мельницы. Дядя рассказывал, что когда-то, давным-давно здесь, на этом ручье, поставили запруды и построили несколько водяных мельниц. На том месте теперь лишь заросшие остатки разорванных плотин. После того, как в городе на берегу речки была построена большая каменная паровая мельница, их то ли разобрали, то ли сожгли, как и ту деревянную, которая стояла недалеко от нашего дома. Там и сейчас земля чёрная-чёрная от угля...

Тропинка стала совсем сухой и твёрдой, и босые ноги чувствуют приятное тепло. Показались хуторские огороды, вдоль которых паслось несколько привязанных на длинных цепях коров.

Крайний дом стоял особняком и скрывался где-то за плетёным забором. Прямо по забору густо разрослись вишни, сливы и высокие вербы по углам. Усадьба издали напоминала крепость с высокими стенами и башнями. Подойдя ближе и завернув за угол, я увидел торчащие из забора ветки усохшего дерева. Казалось, кто-то просунул сквозь забор руки и хочет схватить меня. В это время оттуда, из-за зелёной стены, слышались какие-то непонятные звуки, похожие на скрип ржавых петель, звяканье цепи, чей-то голос, хлопанье крыльев. Может, там Баба-Яга со своими помощниками – злыми гусями? Стало страшно, я пошёл быстрее, затем побежал и остановился лишь у родника.

Родник кто-то углубил и аккуратно обложил камнями, но было видно, как из отверстия на дне пульсирует вода, поднимая мелкие песчинки. Возле колодца лежало три больших плоских камня, и на колышке висел деревянный ковшик.

Оказывается, вода из ковшика намного вкуснее, чем из чашки, но два-три глотка – и больше не выпьешь, становится больно зубам. Когда я зачерпывал воду, моё отражение кривлялось и гримасничало. Напившись, я выплеснул остатки воды вверх. Вода разлетелась на большие и маленькие капли, которые засверкали, переливаясь радугой на солнце, и с шумом упали на траву. Мне это понравилось, и я снова и снова зачерпывал и выплескивал воду, забыв обо всем на свете. От этого интересного занятия меня отвлекли те странные звуки и крики, вдруг донесшиеся из-за зеленого забора.

Посмотрев в ту сторону, я вдруг увидел сквозь заросли чьи-то злые глаза. Стало так страшно, что всё внутри меня стало холоднее, чем родниковая вода. Быстро набрав в банку воды, я побежал теперь не прямо по дороге, а по тропинке в обход, подальше от этого места. От сильного бега, скоро выдохся и возле следующего дома уже кое-как плёлся. Корзина показалась мне настолько тяжёлой, что, подойдя к жердяному забору, я поставил её на землю, и решил передохнуть.

Забор тремя нитками опоясывал дом с постройками, небольшим двором, вишенником и огородом. Свежевыкрашенные окна выглядели из-за кустов сирени и, как детские голубые глаза, весело смотрели на окружающий их мир, на золотые подсолнухи, которые тянулись цепочкой вдоль забора к самому ручью. Ручей в этом месте спрятался в густых косах ив. А за ним, за таким же

жердевым забором задыхался в палящем зное большой ухоженный сад.

Трава в саду была скошена и сложена в небольшие копны. Пахло свежим сеном и яблоками. Ветки от тяжести плодов пригнулись к земле, и некоторые были подпёрты жердями. Под деревьями лежали яблоки – падалицы и несколько штук – на тропе. Я поднял одно, вытер об рубашку и надкусил: оно оказалось сочное и сладкое. “Не мешало бы маме принести несколько штук”, – подумал я. Но остальные оказались только битые и червивые. Зато рядом, над забором, висели крупные восковые яблоки.

Огляделся по сторонам – ни души. Долго не думая, залез на забор, ухватился одной рукой за толстую ветку, а второй начал срывать и класть за пазуху самые красивые яблоки. Рубашка немного оттопырилась. “Хватит”, – решил я и хотел, было уже спрыгнуть, как вдруг чья-то цепкая рука схватила меня за шиворот и потащила с забора.

– Ах ты, поганец, в чужой сад залез! – услышал строгий голос.

Рука, державшаяся за ветку, разжалась, и я, как спелая груша, шлёпнулся на землю. Рубашка выскользнула из штанов, яблоки посыпались на тропу и покатались в ручей. Вскочив на ноги, я рванулся, пытаюсь убежать, но меня снова кто-то схватил за руку.

– Разве можно чужое брать? Вот сейчас спущу штаны и отстегаю крапивой по голому месту – три дня не сядешь.

От страха ноги дрожали, во рту пересохло, я не мог пошевелить языком и даже закрыл глаза.

– А ну посмотри на меня, ишь, куда и смелость делась? – слышал я всё тот же строгий голос, и та же рука развернула меня.

Открыв осторожно глаза, я увидел перед собой босые ноги, широкие чёрные штаны, выгоревшую цветастую рубаху, тёмное морщинистое строгое лицо. Меня всё так же крепко держал за руку дед в чуть приподнятой, примятой летней шляпе.

– Ты откуда здесь взялся? Чей будешь? – продолжал он допрос, не отпуская меня.

Я заметил, что лицо у него было строгое, но глаза смотрели не зло.

– Иду оттуда, к маме, – показывая рукой в сторону города, еле слышно вымолвил я.

– Где твоя мама?

– Там, на поле окучивает картошку, – теперь я показал в ту сторону, куда мне нужно было идти, и начал шмыгать носом.

– Это там, где городские участки? Так ты из города? – он отпустил меня. – Так ты и речку не побоялся сам перейти? – его лицо добрело, и из меня начал уходить страх.

– На поле очень жарко, и мама пить хочет, а я ей холодной водички из родника несу, – уже смелее ответил я.

– Ишь ты, яблоки тоже маме из чужого сада, – нахмурился снова дед. – Мама – это святое, но за такие дела и она задала бы тебе трёпки.

– Мама меня любит, она иногда только старшего брата ругает и наказывает, – дед уже не казался мне таким строгим, как вначале.

– Небось, и покормить тебя некому, мама то на поле? – сочувственно спросил он.

– Меня старший брат кормит, только таких сладких яблок у нас нет, – совсем успокоился я. – Знаю я вашего брата! Видно, весь день в речке киснет, что, пожалуй, верба от сырости в одном месте скоро вырастет. Он о тебе вспоминает только перед приходом мамы, – сказал он так, словно ругал брата.

– Он хороший, – заступился я за него. – Всегда приносит мне что-нибудь с речки – вчера вишни, у нас дома тоже таких нет.

– Он, наверное, только и знает, что по садам да огородам чужим лазить. Не жалко ведь. Для того и растим, чтобы вас иногда побаловать. Сколько нам с бабкой надо? Так залезет, обломает ветки, обтрясёт грушу, перетопчет всю ботву... А возьмёт сколько?.. Один убыток от таких! – опять рассердился дед.

Я снова потупился.

– Маму как зовут? – успокоившись, спросил он.

– Катя. Дом наш на углу Коммунальной и Фрунзе, там ещё рядом магазин, – начал подробно объяснять я, но он перебил.

– Ишь какой шустрый, защebetал. Знаю её, она иногда берёт у меня молоко и всякий продукт. У меня если масло – то оно масло, реклама сама на языке ходит. А почему? Коровка пасётся на разнотравье, потом ей отрубей немножко и жмыха, отходов с огорода всяких, вот и яблочек тоже – падают сильно от суши. Потому молочко сладкое и масло запашистое. У тебя мать – добрая женщина. Да я плохим людям и не продам, ещё корову сглазят, не дай Бог.

– Как это сглазят, дедушка? – спросил я его, словно мы давно знакомы.

– А ты мне нравишься – молодец, самостоятельный и о маме заботишься – лицо его стало добрым. – Твоя мама ничего плохого не сделает, потому, как знает цену труда. А есть такие – на чужое добро падкие, всё им мало. От них у коровы молоко потом пропадает. Тебя как зовут.

– Саша.

– Хорошее имя. Ты, Сашка, характером видно в маму, я видел, как яблоки рвал – не жадно. Голод может заставить на всё пойти даже взрослого, знаю... Меня Иваном зовут. Дед Иван, – поправился он.

– Раз уж пришёл в гости, пойдём во двор. Вот только давай яблоки соберём: что-то бабка посушит, а что-то бурёнке пойдёт. Кажется, что там яблочки – мелочь, но и от них молочка прибавляет, и сладкое оно, – он стал собирать их в подол рубахи.

– Я помогу, дедушка Иван.

Мы собрали всё, что лежало на тропе, только в ручье плавало одно яблоко, зацепившись за корягу. Я полез, было за ним, но дед удержал.

– Оставь, пускай плавает, зачем у ручья отбирать – это его. Когда яблоко на земле, оно как мёртвое лежит и гнить скоро начинает, а в воде – оно живое. Пойдем, он легонько толкнул меня в спину по направлению к дому.

– Запомни, Саша, воровать – грех, лучше попроси. Людей больше добрых, они накормят, помогут, а если кто и откажет, значит, Бог ему судья. От плохого человека и сам не бери – вред может быть. Ладно, ты ещё в школе не одни штаны протрёшь над этой азбукой, – он перевёл меня по широкой кладке через ручей.

Сразу за ручьём был маленький пруд, обсаженный вербами. Мне показалось, что в воде что-то блеснуло, потом ещё... Там плавали большие рыбы.

– Что – рыбу видел только на витрине магазина? – спросил дед.
– Посмотри теперь, какая она на свободе. Хотя здесь тоже воля-неволя. Другое дело в речке: там водоросль всякая и корм разный, глубина и простор, особенно когда разливы. Только сгубили нашу красавицу- речку. То, что плотину поставили – это ещё куда ни шло, так мусором засыпали, отравили всякими ядами. Вон с консервного завода такая гадость течёт, хоть нос затыкай... Вот и пропала рыба.

Раньше захотелось, скажем, ушицы. Пойдёшь на речку, вентерю поставишь – и тут тебе усатый сазан, медный карась, лещ как серебро, линь изумрудный, щука полосатая, краснопёрая плотвичка и раки пучеглазые нацепляются, такой рыбный дух стоит... И всем хватало. А теперь – вот в пруду у меня один сазан сидит, жиреет, как вы там в своих квартирах, разленилась, кашу ей только подавай. Уху варишь, и лучка туда, и петрушки покладёшь, вроде и наваристая она, а вот вкус не тот, чего-то не хватает и тиной отдаёт. Ты посиди здесь на скамеечке, я сейчас.

Скамейка стояла в тени вербы. Рыбы тоже прятались в её тени от жарких солнечных лучей, достававших до самого дна. Вода в пруду была чистая, потому что соединялась с ручьём двумя протоками, перекрытыми сетками, чтобы рыба не убежала.

Когда смотришь сверху, рыбу почти не видно – спина у неё чёрная, как дно, а когда она наклоняется, то бока сверкают на солнце, как зеркало,

– Что, нравится здесь? – подошёл дед с миской каши. – Вот, вот, Саша. В доме прохладно, и мухи не кусают, и лампадка горит – все тебе удовольствия, только не по мне – как в гробу. Ещё належусь. А тут, на рыб сколько угодно смотри, не устанешь. Как двигают хвостами? Словно дамы в танце на балу. Сейчас мы пригласим их на банкет. – Дед стал посвистывать и притопывать ногой. Рыбы действительно услышали. Засуетились, потом подплывали к нам совсем близко, разевая желтые беззубые рты.

– Видишь, здороваются с нами, – заулыбался он,

– Рыбы же немые, они не говорят, – поправил его я.

– Это кто тебе такое сказал? На земле всё говорит: каждая букашка, каждый листочек. Вечером подует ветерок, и листочки начинают с ними и между собой шушукаться – нужно только уметь слушать. Конечно, в городе, что можно услышать из-за рёва машин и музыки. А здесь даже тишину можно услышать, – дед брал из миски своими тёмными скрюченными, как ветки у старой усыхающей груши, что растёт в нашем дворе, пальцами густую кашу и бросал её в воду. В том месте вода вдруг закипала. Рыбы хватили кашу, не давая ей опуститься, и, резко взмахнув хвостами, уходили на дно. Потом опять подплывали за следующей порцией.

– Ну ладно, рыбу покормили, теперь и нам не мешает перекусить, верно? Пойдём Сашка, – он снова легонько толкнул меня в плечо, и мы пошли к дому.

– В природе всему есть своё место, человеку нужно только приглядывать за всем и правильно пользоваться, а не рушить да осквернять, – дед Иван интересно рассказывал о речке, лесе и птицах, но я не всё понимал из его слов...

Он пропустил меня через калитку, и мы оказались во дворе, огороженном невысоким, побеленным известью, забором. Навстречу из будки выскочила большая лохматая собака и яростно залаяла.

– Ну-ну Шарик, это же гость. Разве гостя так встречают? А, ты здороваешься? Иди на место, – дружелюбно попросил его дед.

Шарик для приличия ещё несколько раз гавкнул и, гремя цепью, снова спрятался от жары в будку.

– Проходи, Сашка, он не тронет, добрых людей узнаёт сразу, своим собачим умом. Вот соседка Ганна, бывало, на день сколько раз прибегает, так он всё равно не признаёт её, так и норовит укусить. Однажды цапнул-таки её за юбку. А почему? Потому, что злая она, как ведьма, и язык у неё длиннее, чем у Шарика в жару, и на людей плохо смотрит. Опять же, собака – животное, а чувствами своими понимает не хуже нашего, если не лучше. Проходи, садись, – он усадил меня за стол, а сам пошёл в дом.

Двор был небольшой и чистый, завалинки дома и построек аккуратно подкрашены чёрной краской. В небольшом вишеннике в пыли купались куры. Стол со сбитыми крест – на – крест ножками стоял под большой старой грушей. Даже в полдень здесь чувствовалась прохлада...

Дед вынес из дома посуду и завёрнутый в льняное полотенце хлеб.

– Сейчас угощу тебя нашим хлебом, ты такого, видно, не пробовал, у вас всё из хлебопекарни. А у моей бабы Тани своя технология и завод у неё – русская печь, печёт хлеб на сыворотке и на дрожжах собственного приготовления. Вон, видишь, хмель на сарай полез – так это из него дрожжи делает. Она тут в одном лице и мастер, и контролёр, а хлеб получается – не то, что заводской. Посмотри, какой он пышный: тут тебе и вкус, и витамины всякие, и желудок всегда в порядке. Там и борщ в печи томится, угостил бы, но я в печь никогда не лезу, это её хозяйство – сейчас тоже на картошке, – он расстелил полотенце, отрезал несколько больших ломтей хлеба, положил рядом ложку и кружку.

– Ты ещё чуток посиди, я спущусь в погреб, – и он ушёл в сторону сарая.

Хлебный дух закружил мне голову, сильно захотелось есть. Я не выдержал и, посмотрев по сторонам, словно боясь, что кто-то может подсмотреть, потихоньку начал отщипывать куски хлеба и класть их в рот. Хлеб был необычный: ни белый, ни чёрный, и поры в нём были мелкие-мелкие. Плотный, сухой, он не казался черствым, как магазинный, и таял во рту.

– Ну вот, поди, не дождался уже, – дед нёс в одной руке кувшин, а в другой – кастрюльку с вишнями. Он налил в кружку молока и насыпал в миску вишен. Кувшин, кружка и вишни сразу же покрылись росой.

– Бери, кушай, я в твои годы очень любил молоко с вишнями, и сынок мой, Гриша, тоже любил обедать здесь под грушею. Вишни бабка утром сорвала – вареничков захотелось. Ягоды в этом году дал Бог – пчёлы весной потрудились. О, я совсем забыл, – он зашёл в дом и вынес маленький деревянный бочонок с мёдом.

– Держу несколько ульев, больше для опыления сада, сколько нам с бабкою надо. Пробуй, сынок, медок майский – с цветущего сада пчёлки собрали. Смотри только, чтобы он на пуп не вылез, – он положил в блюдце несколько ложек мёда, вздохнул и погладил меня по голове.

Я не представлял себе, как это мёд может вылезти на живот, а спрашивать было некогда. Я хватался то за чашку с молоком, то за ложку с мёдом, то брал рукой вишни, то хлеб.

– Давай, внучек, молоко выльем в вишни, будешь брать их ложкой, так будет ловчее, а хлеб макай прямо в мёд. Вот видишь, хорошо получается. Он присел напротив и молча смотрел, как я ем. Потом глаза его закрылись, и показалось, что он уснул...

– Ты ешь, не торопись, – дед поднялся и пошёл в сторону сада.

Я откусывал хлеб с густым тягучим мёдом и запивал из большой деревянной ложки холодным молоком, в котором плавали вишни. Они теперь не были кислыми, как те, что приносил вчера брат, потому что во рту всё смешивалось: ароматный сладкий мёд, хлеб с хрустящей корочкой, пахнувшей печью, холодное нежное молоко с кислинкой вишни.

Это была еда необыкновенная. Даже лучше мороженого в железных чашечках, посыпанного сверху тёртым шоколадом, которое подавала официантка кафе на подносе вместе с шипучим напитком в высоких стаканах.

Я старался не спешить и есть аккуратно, но всё равно мёд протекал между пальцами и капал, а хлебные крошки падали на полотенце. Я забыл обо всём на свете: о брате, который купался в речке, о дедушке Иване и о том, что должен куда-то идти. Мне даже перестали мешать наглые и назойливые мухи. Во рту вишня лопалась под лёгким нажатием, хлеб, смоченный молоком, таял, и, не жуя, всё это проглатывалось вместе с косточкой.

Съев ломоть хлеба, и немного насытившись, я стал брать мёд ложкой. Его оставалось ещё много, но я вдруг почувствовал, что живот стал, горячим, словно изнутри растопили печку. Я полез рукой под рубаху и потрогал его: он оказался холодным, но в меду. “Дедушка Иван предупреждал”, – подумал я.

Теперь я ел только молоко с вишнями и уже не спешил, косточки складывал горкой на столе. Холодное молоко и чуть кисловатые вишни приятно остужали. Мне казалось, что живот может не выдержать и лопнуть, но я не в силах был остановиться: “Ещё ложечку, ещё одну”, – кто-то шептал мне на ухо, и рука сама тянулась к миске.

– Ну что, – попробовал дедова деликатеса? – я даже не услышал, как он подошёл с ведром яблок в руке.

– Спасибо, дедушка. Теперь я буду, есть молоко с вишнями только так, как вы научили, – облизал я ложку и положил на стол.

– Это в городе хорошие продукты сначала переводят, а потом делают всякие фигли-мигли, чтобы можно было, их есть. Вот только хлеб нельзя бросать, он рассердится. Тогда будет беда, неурожай и голод, – дед Иван старательно стряхнул с полотенца в свою чёрную ладонь крошки и положил их себе в рот.

– Давай-ка прикроем мёд, а то пчёлы унесут его назад в улей, – он накрыл посуду и мёд полотенцем и сел рядом со мной.

– Вот что, сынок, брат твой ещё на речке, а мать, поди, уже начала беспокоиться. – Женщины – они даже на расстоянии чувствуют, если с их детьми, не дай Бог, что-то случается, – он обнял меня, и мы сидели с ним какое-то время молча.

Потом он взял из моей корзины банку с водой, пошёл к собачьей будке и вылил воду в валявшуюся там кастрюлю. Мне она

показалась странной, у неё было овальное дно, неровный верх и рожки посередине – это немецкая каска, я такие в кино видел.

– Дедушка Иван, откуда у вас эта каска? – поинтересовался я.

– Много немец оставил их тут: сначала на берёзовых крестах, когда они въезжали в город в белых перчатках, а потом, как пятки салом смазали, так бросали уже, где попало, лишь бы сподручнее было бежать. Каска эта, может, пол Европы на голове рыжего Ганса прошла, а теперь вот Шарик у доживает, – он пнул её ногой, подвигая ближе к будке.

Из будки вылез Шарик и начал жадно лакать воду.

Дед налил в банку молока, завернул его полотенцем и положил в корзину. Туда же положил несколько ломтей хлеба и высыпал остатки вишен.

– Донесёшь? – спросил он. – Своя ноша не тяжела. Возьми в пазуху ещё яблок, так легче на руки будет.

Он поднял корзину, подержал её, словно взвешивая, и толкнул меня легонько в спину в сторону калитки, что выходила на дорогу.

– Ничего, донесёшь, тут недалеко. Я проведу тебя чуток, помогу нести.

Мы прошли немного по дороге, поднялись на бугорок, и он передал мне корзину.

– Счастливо тебе, сынок, – дед Иван прикрыл глаза рукой, словно от солнца, и быстро пошёл назад.

– До свиданья, дедушка Иван, – попрощался я и зашагал по дороге, которая вела на поле...

У меня вдруг возникла мечта: когда вырасту, посадить вишнёвый сад, как у деда Ивана. Я посмотрел влево и снова увидел ту зелёную крепость. И отсюда, с этой стороны, дом тоже скрывался за зелёной оградой, торчала одна труба. Из неё вдруг повалил чёрный дым, и мне показалось, что из трубы вместе с дымом вылетела Баба-Яга в ступе. Но теперь мне было совсем не страшно. Я понял, почему этот дом, как вор, прячется от людей. Я догадался, что там живёт баба Ганна, которую не любит Шарик.

Теперь я вспомнил слова деда Ивана: “От плохого человека и сам не бери...” Если бы я у того дома сорвал яблоки? Меня бы схватили те страшные руки, которые торчали из забора, и заперли в тёмный чулан, где бегают огромные крысы. Вот почему мне было так страшно.

Я обернулся и посмотрел на дом деда Ивана. Дом словно улыбался белыми стенами, он открыто смотрел своими голубыми окнами и, казалось, говорил мне: “Заходи ещё, я накормлю тебя или согрею, когда будет холодно”... Дед стоял на том же месте и смотрел в мою сторону. Издалека, на широкой дороге, он казался маленьким и беззащитным. Только сейчас я вспомнил, что забыл сказать спасибо, как всегда учила мама.

– Дедушка Иван, спасибо! – крикнул я. Мне, почему-то стало очень жалко его.

Но я скоро забыл об этом и о своей новой мечте. Босые ноги шлёпали по густой горячей пыли. Рядом в траве стрекотали кузнечики, в небе над головой пел жаворонок.

Мне было легко и весело, я спешил к маме.

Полет к звездам

Лето. Его всегда ожидаешь, ему всегда рад. Какое бы ни было оно – холодное и дождливое, сухое и жаркое? – всё равно расстанешься с ним с сожалением. И заканчивается оно неожиданно: словно идёшь по ровному полю и вдруг – обрыв... Пора в школу. Значит, пришла осень. О лете мы ещё вспомним на первых уроках, когда будем писать сочинение и затем читать перед классом о том, как провели летние каникулы. Кто рассказывал, что всё лето провёл у бабушки в деревне, кто в летнем лагере, кто с родителями на море. Я даже завидовал им, потому что дальше города никогда не был.

Может, поэтому перед долгожданными летними каникулами мне становилось грустно. Но в этом году все было не так.

Однажды, прибежав со школы и влетев в дом, я как всегда хотел бросить портфель на скамейку, но остановился на пороге от неожиданности. У нас дома был гость.

– Григорий, – поднялся он из-за стола и протянул мне руку, – а для тебя дядя Гриша.

– Здравствуйте, – я подошел к нему и несмело подал руку.

Он легко подхватил меня, усадил рядом и погладил по голове. Я даже не успел его хорошо рассмотреть.

– Вот ты какой, мама о тебе рассказывала. А что, поедешь ко мне на хутор? На все лето.

У меня громко застучало сердце, – неужели исполнится моя заветная мечта?

– Ну, что молчишь, Саша? Поедешь? Я знаю, надоела тебе школа и городская суета. А у нас тихо. И парного молока попьешь. У меня несколько козочек и две коровы. Ты, какое молоко больше любишь?

– Козьего молока я не пробовал.

– Попробуешь, да и картошки у нас – до нового урожая на всех хватит. Какой щупленький, – он обнял меня своими большими руками за плечи.

– Да, да. Пускай едет, а то мы больше кашами давимся, – согласно закивала мама, – вот только как он там, ведь маленький ещё?

– Ничего, они вдвоем будут, да и работа для них подходящая? есть, займет от зари до зари. Поработаешь? – я снова ощутил его теплую руку на голове.

– А какая работа?

– Скоро состаришься, – будешь знать много, приедешь ко мне, посмотришь. В школе больше знаний получай, да смотри, хвоста на лето не подцепи, а как закончишь школу, так я за вами сразу приеду.

Я понял, что со мной еще кто-то поедет, но спросил об этом у мамы, когда дядя Гриша ушел.

– Да, вы будете там вдвоем с Ленькой. Это его папа договорился на счет вас. Они вместе с дядей Гришей работают в воинской части. Дядя Гриша подвозит продукты в солдатскую столовую.

– Ура! - мы с двоюродным братом едем в деревню на всё лето.

Теперь я не мог дождаться каникул. Мы с Ленькой даже дни начали считать, пока не сбились.

И вот однажды вечером за нами на телеге приехал дядя Гриша. Мы быстро собрались, побросали вещи в телегу...

Приехали поздно. Было непривычно темно. Где-то в темноте гремела цепью и сиплым, словно простуженным голосом, лаяла собака.

Мы с неохотой покидаем теплые, насиженные места, идем под навес и садимся за стол. На столе белело полотенце, под которым оказался кувшин с молоком, нарезанный хлеб и две кружки.

– Перекусите с дороги, – дядя Гриша наливает в большие алюминиевые кружки молоко и сует нам в руки по куску хлеба.

– Кушайте, а я пока выпрягу лошадей.

Домашний хлеб и еще теплое молоко были очень вкусными. Мы быстро расправились с едой и тихо сидели. Собака перестала лаять, и было слышно лишь позвякивание сбруи, стук копыт. Потом все стихло, и скоро мы услышали шаги дяди Гриши.

– Пойдемте, господа городские, я проведу вас в ваши апартаменты. Он привел нас к какому-то сараю.

– Забирайтесь наверх, только не свалитесь.

По приставной лестнице мы поднимаемся наверх, нащупываем на сене постель, раздеваемся и залазим под одеяло. Когда мы улеглись и перестали шуршать сеном, то услышали под

собой какие-то звуки: что-то звякало, кто-то тяжело вздыхал, похрустывал, постукивал.

– Это домой, – шепчет Лёнька.

Я ближе прижимаюсь к нему и, согревшись, засыпаю...

– Подъём, курортники, завтрак стынет, солнце уже во как высоко, – разбудил нас очень рано дядя Гриша.

Солнце только поднялось над лесом и ещё не грело. Мы спустились с лестницы на росистую траву, обжигающую холодом босые ноги.

– Здесь будете умываться, – показал он на прибитый к дереву умывальник.

Вода в нём была такая же холодная, как роса, и остатки сна смываются с моего лица. Я огляделся, но не увидел во дворе дома. Это был даже не двор, а пустырь, ограниченный огородами и посевами. Он спускался к болотистой низине, поросшей вербами и ольхой. Забора тоже не было. Посреди пустыря стояло несколько сбитых из старых досок, кусков ржавой жести и рубероида построек для животных и птицы. Эти сараюшки жались друг к другу, словно нищие пытались согреться в своём рванье. За огородами, разбежавшись подальше, казалось, играют в жмурки, – выглядывали из-за вишнёвых и яблоневых садов три дома – всё, что осталось от хутора.

Возле сарая был вход. Оказывается, это землянка. Из неё вышла молодая женщина. Лицо у неё было почему-то не загорелое бледное. “Почему она, такая красивая, до сих пор живёт в землянке?” – подумал я. Все давно живут в домах или времянках, разве только горбун с сестрой – кулацкие дети, недавно вернувшиеся назад из ссылки, вырыли ее недалеко от города, за рекой. Мне даже стало жалко их. Но потом я узнал от дяди Пети, что они давно могли бы построить себе новый дом. У них есть деньги и много хороших дорогих вещей, но они боялись, что их сразу же раскулачат. Я один раз забегал за чем-то в землянку и видел там несколько аккордеонов, ножных швейных машинок и ещё много больших ящиков с надписями на немецком языке – видно, трофейных.

– Меня зовут тётя Зина, пойдёмте завтракать, – мы догадались, что это была жена дяди Гриши.

Она повела нас к навесу, под которым стояла большая обмазанная глиной плита и грубо сколоченный стол. Над плитой

склонилась женщина. Её голова, замотанная чёрным толстым платком, была похожа на чугуна, который стоял тут же на плите.

– Бабушка Фрося – дяди Гриши мама, она будет вас кормить, – познакомила нас тётя Зина и ушла.

Старуха молча кивнула в ответ и строго посмотрела на нас, потом также молча высыпала с чугуна в большую глиняную миску горячую дымящуюся картошку.

– Садитесь, ешьте картошку, – пригласила она нас и снова повернулась к плите.

Мы брали руками прямо с миски картошку и запивали её теплым молоком. Нам это показалось очень вкусным. Разделавшись с картошкой, мы пошли к дяде Грише знакомиться с работой.

Он выгнал из построек двух коров с телятами, одного бычка и пять коз.

– Берите палки и гоните их за мной, – и сам пошёл впереди стада.

Мы спустились в низину, перешли через небольшой ручеёк и вышли на поле, ограниченное с двух сторон лесом. Это поле, видно, никогда не пахалось, только следы от гусениц тягачей избороздили его, как лицо у бабушки Фроси. Ближе к ручью стоял насыпанный из земли и обложенный дёрном курган.

– Вот ваш наблюдательный пункт, – показал дядя Гриша на курган. – А дальше вон тех кустов не ходите, а то вас арестуют, там полигон. Туда заходить опасно – там могут стрелять. Поняли?

Мы согласно закивали головами.

– На обед вас позовёт мать, а вечером возвращайтесь домой сами, как солнце опустится на ладонь, – он вытянул руку в ту сторону, где должно заходить солнце, и посмотрел на свою ладонь, прищурив глаз.

– Смотрите хорошенько за Манькой, – показал он на козу. – Она тут у них за атамана. Всё понятно? Тогда я пойду, мне на работу пора.

Дядя Гриша оказался прав, больше всего неприятностей было от Маньки. Вот она возле нас мирно травку щиплет, потом внизу у ручья объедает листочки с лозы, а чуть зазевался – уже в огороде. Доставалось нам из-за Маньки, но ей от нас тоже...

Ручей начинался от трёх колодцев. Когда-то давно отсюда возили солдатам воду в больших деревянных бочках. Потом построили водопровод и колодцы забросили. В двух вода

застоялась, позеленела, и в ней завелись головастики. В третьем, чтобы вода не застаивалась, проломил каменную стену с одного угла. Из этого колодца начинал свой путь ручеёк. Дальше по течению луг заболотился, зарос вербами и ольхой. За лугом, ниже огородов дяди Гриши, старый ничейный сад.

Мне расскажет потом дядя Петя, что до войны здесь жили крепкие хозяева, но их выселили, а дом и другие постройки разобрали, остался только сад. Дядя Петя видел, как дом разбирали. Он ещё ругался, когда старший брат Ефрем полез на крышу срывать железо.

– Зачем ты ломаешь? Ты его строил? Но брат не стал его слушать.

– Я никогда бы не делал этого, даже если бы меня просили.

По профессии дядя Петя жестянщик, и на многих казармах крыши сделаны его руками.

– Какая крыша там была! А железо толстое, сколько лет простояло, а как новое. Теперь такого не делают, – возмутился он.

Дядю Ефрема я не знаю, он в начале войны пропал без вести на фронте...

Немного дальше, за садом, начинался полигон: воинские склады, караульное помещение и такие же курганы, как наш наблюдательный пункт, только с будками наверху. В будках стояли учебные пушки. Мы лазили туда. Пушка настоящая, только в стволе у неё закреплена винтовка, из которой стреляют разрывными пулями, имитируя пушечный выстрел. Бутафорские опорные пункты “противника” находились на большом поле с другой стороны ручья. Отсюда, как с высоты птичьего полёта, видны города и деревни, колокольни и водонапорные башни, поля и леса, речки и овраги, автомобильные и железные дороги. И везде окопавшийся “противник”: окопы и траншеи, пушки и танки. Но стоит спуститься, перейти ручей и подойти поближе, как оказывается, что дома – это раскрашенные кирпичи, заводская труба – палка, дороги – узенькие полоски желтого песка. То, что издали кажется лесом, полем, железной дорогой, – это просто кусочки фанеры и жести из консервных банок, палочки и мох, раскрашенные в разные цвета. Даже обидно становится – так хотелось походить на Гулливера. Но зато здесь можно найти неразорвавшиеся пули. Они взрываются, когда их бросить в костёр или если ударить головкой о каменную стену, сначала привязав к камышинке вместо наконечника...

Вечером приезжал с работы дядя Гриша. После ужина он брал меня с собой треножить на ночь лошадей. Он брал меня, а не Лёньку – может потому, что я был младше его. Один конь был трофейный – тяжеловес с огромными копытами. Очень спокойный, но когда дядя Гриша посадил меня на его широкую спину, он, не слушаясь моей команды, пошёл под дерево, и я, зацепившись за ветки, слетел на землю.

– Умный конь, – смеялся дядя Гриша. – Понял, что за седок на нём и поспешил освободиться.

Дядю Гришу он слушался... На ночёвку мы водили лошадей в дальний молодой лес, где была густая трава. В лесу уже совсем темно, лошади сами выбирают дорогу. Ветки цепляются за рубашку, и казалось, это леший хочет стащить с коня.

Дядя Гриша учил меня, как правильно путать лошадей. Это делается для того, чтобы они за ночь далеко не ушли... Домой возвращаемся уже по холодной ночной росе. Сильно хочется спать.

– Сегодня буду спать на дворе, потому что в землянке очень душно. Пойдёшь со мной? – спрашивает дядя Гриша.

Я с радостью согласился. Он вынес из землянки козьи шкуры и одеяло. Мы залезли по лестнице на высокий стог сена, легли на мягкие шкуры и укрылись одеялом. Ночь была темная и тихая, даже собаки перестали лаять. Надо мной висело огромное темное небо. В ночном прохладном воздухе блестели, переливались звезды. Мне показалось, что я укрыт не одеялом, а звездным небом. Я ещё никогда не видел такого тёмного неба и таких ярких звёзд на нём. Сколько их было? Я даже попытался сосчитать, но тут же сбился. Дядя Гриша зашевелился и вздохнул. Я догадался, что он тоже не спит и, наверное, смотрит на небо.

– Дядя Гриша, звёзды можно сосчитать? – не отрывая взгляда от неба, спросил я.

– Можно, сынок, всё можно, если захочешь. Да, сегодня небо особенно звёздное.

– Дядя Гриша, если их считают, значит, различают, как людей?

– Конечно, вон видишь – Полярная Звезда – не самая яркая, но очень важная для мореплавателей и путешественников звезда, по ней ориентируются на север. А вот там, как ковш, – это Большая Медведица, называется созвездием, то есть как бы семья, по ней

можно легко найти Полярную Звезду. Ковш поменьше – Малая Медведица, а та кучка звёзд – это Стожары.

– А эти как называются? Их словно мошек в конце лета

– Это туманность – Млечный Путь. Его ещё называют Чумацким – по нему, чумаки ориентировались, когда за солью в Крым ходили. И не мошки это, они огромные, только очень далеко до них, и кажется, что они маленькие. Я люблю смотреть на звёздное небо, и в школе астрономию любил. Вот и ты, вижу, когда вырастешь, обязательно астрономом станешь, а может, поэтом – они тоже на ночное небо любят смотреть. А сейчас давай спать, поздно уже и рано утром вставать.

Дядя Гриша скоро захрапел. Его храп разбудил тишину, и, казалось, заполнил всё вокруг, до самого леса, темнеющего на горизонте. Может быть, от храпа я не мог уснуть, и всё смотрел на небо и думал о том, какой огромный мир – даже представить себе невозможно. Как много в нём интересного. Оказывается, мы такие крохотные, и наша Земля, наверное, меньше, чем самая маленькая звезда – пылинка на широкой дороге Млечного Пути.

Я подумал, что даже самая маленькая звёздочка имеет своё имя и своё место в этой огромной семье звёзд. Она много-много лет посылает свет, чтобы все знали, что она живёт, что она есть в этом мире. Звёзды не мешают друг другу, наоборот, каждая из них вносит в этот волшебный мир ночного неба что-то своё, особенное, словно говорит: “Если я потухну, то небо станет уже не таким, потому что в этом месте будет пустота”.

Почему же люди не понимают этого, и не берут пример у звёзд?.. Вот рядом, где остался, как сирота, неухоженный сад, стоял большой дом, и в нём жили хорошие люди, а их дети играли в жмурки. Хорошие, потому что они построили дом и посадили сад, которые другие зачем-то разрушили и продолжают ломать деревья в саду. Теперь этих хороших людей нет, и, наверное, скоро дядя Гриша уедет со своей семьёй, потому что его жена, тётя Зина, всё время жить в землянке не сможет. А без домов и садов, без людей на этой земле станет тоже пусто.

Сколько красивых имён, сколько людей-звёзд исчезло с земли, когда пушки стреляли не пулями и не по бутафорским городам и сёлам, а по настоящим домам, настоящими снарядами. Теперь я знаю, почему люди не понимают друг друга, мешают друг другу жить, почему воюют. Потому что они ночью спят в своих душных

квартирах и не видят ночного звёздного неба. Они не могут увидеть его и вечером, когда ещё не спят, потому что в городе всегда горит свет. Они не видят его красоты и его величия, и поэтому не могут понять, что все люди – это те же звёзды, – только на земле.

Мне показалось, что та самая маленькая звездочка засияла ярче, словно улыбнулась и послала мне воздушные поцелуи. Вот и звездочка поняла меня и согласилась.

У меня ещё, что-то интересное родилось в голове, но об этом не успел подумать, потому что маленькая звездочка вдруг сорвалась и полетела ко мне. Она становилась все больше и больше, и вот уже как мамина голова в воздушной сиреневой косынке.

– Саша, ты звал меня? – спросила она почему-то маминым голосом. – Хочешь, я покатаю тебя по звездному небу, потому что ты мне понравился?

Она легко подхватила меня, как дядя Гриша, когда подсаживал на коня, и понесла высоко над землей. Стог, на котором спал дядя Гриша, стал уменьшаться. И вот я уже не вижу его и не вижу нашего хутора, зато подо мной засветился яркими огнями город, потом другой, еще больший, на улицах которого сновало много-много машин. Затем я перелетел через горы и большое море, поднимаясь, все выше и выше, пока Земля не стала совсем маленькой, как глобус на шкафу директора школы.

Зато звезды стали большими, и их оказалось столько, что я перестал верить дяде Грише, будто их можно сосчитать. Они ярко блестели, казалось, радовались мне и наперебой приглашали в гости.

Мне очень захотелось туда к ним, там, наверное, так интересно... Но я вдруг вспомнил, что не предупредил дядю Гришу. Он встанет утром, а меня нет. Будет долго искать, а потом скажет маме, что я пропал, и она будет плакать.

– Я хочу домой, – сказал я моей звездочке, – к дяде Грише и маме.

– Да, пора тебе, – согласилась она, – вон уже солнце взошло над твоим хутором.

Она легко опустила меня назад, на стог и укрыла одеялом.

– До свиданья, Саша, – она поцеловала меня, как целует мама, когда будит утром в школу.

– Сашенька, вставай, пора в школу, – склоняется она надо мной...

Я проснулся и открыл глаза. Надо мной стоял большой

красный петух, он низко наклонился и одним глазом внимательно разглядывал меня. Убедившись, что я проснулся, он вскочил на верхнюю перекладину лестницы, захлопал крыльями, и громкое “ку-ка-ре-ку” разлилось по всему хутору.

– Разбудил, ну молодец, знаешь свое дело. Саша, пора вставать, слышишь, Манька зовет, да и мне на работу пора.

– Встаю, дядя Гриша, – мне стало жалко, что я проснулся, что закончился такой чудный сон, но мне тоже нужно идти на работу.

Мы работали, как говорят, за еду. Готовила кушать и кормила нас бабушка. Она заставляла мыть руки и всегда ворчала: “Не бросайте на пол картошку, доедайте картошку”. Мы её так и прозвали: “Картошка на костяной ножке”. Однажды она подслушала и очень сердилась, даже дяде Грише пожаловалась.

Готовила она хорошо, но одно и то же. Утром картофельное пюре и молоко; в обед – щи, жареная картошка и простокваша; вечером вареная картошка и молоко. Может, потому, что у них была ещё полная яма старой картошки, и девать её было некуда, и молоко от двух коров тоже.

Поначалу мы были очень довольны, уплетали всё и ещё просили добавки. Дома нас кормили кашами да лапшей с маргарином, а молоком не часто. А здесь – сколько душа желает жареной на сале картошки и молока. Но потом, когда немного отъелись, и меню в течение нескольких недель не менялось, мы стали “перебирать харчами”. Теперь картошка оказывалась недожаренной или пересоленной, а молоко горчило, видно, от полыни. Мне казалось, что я наелся картошки на всю оставшуюся жизнь. Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но однажды вечером дядя Гриша срочно увезёт меня домой, а на другой день Лёньку.

Как раз перед отъездом на хутор я первый раз посмотрел в клубе “Тарзана”. Мы с Лёнькой потом специально ходили в лес, чтобы спуститься на землю с тонких, гибких берёз, как это делал в кино Тарзан...

В этот день, уже вечером, мне вздумалось спуститься с ольхи, что росла на болоте. Я залез на тонкое дерево, уцепился за верхушку и, как всегда, оттолкнулся ногами, чтобы наклонить её и плавно спуститься на землю. Но хрупкая ольха треснула, и я полетел вниз головой. Лиан на пути, как у Тарзана, не оказалось, и моя голова застряла между кочками. Перед глазами, как в ночном небе, засверкали звёзды. Показалось, что голова влезла в плечи, я даже

пощупал, на месте ли шея. Она показалась мне короткой, жилы на ней вздулись, и, видно, что-то случилось с головой, потому что я катался по земле и сильно смеялся. Подбежавший Лёнька заразился от меня и тоже начал хохотать и братья за живот. В голове словно загорелось что-то, и, пересиливая смех, я попросил у Лёньки воды, чтобы потушить. Он попытался принести воду из колодца в ладошках, но пока бежал, она вылилась. Я же смеялся и просил воды. Лёньке уже было не до смеха, он сильно испугался и волоком потащил меня прямо к колодцу. Придерживая за ноги, он перевалил меня через пролом в стене и опустил голову в воду.

В ней что-то зашипело, как раскалённое железо, погрузившееся в ледяную воду. Мне вдруг стало легче, и я перестал смеяться.

Вечером дядя Гриша вёз меня в телеге домой. Я просил ехать тише, потому что каждая кочка на дороге сильно отдавалась в голове...